

Чья-то рука протянула чашку чая Юнь Хуаню. Он взял её, отпил глоток и, небрежно подняв глаза, вдруг заметил, что рядом с ним стоит не Дань Чжу, а Гунъи Ди.

Светлые глаза Гунъи Ди, хотя и казались спокойными, скрывали многое, что Юнь Хуань не мог понять.

Только теперь он осознал, что уже находится в своей комнате.

В последнее время он чувствовал себя уставшим, часто путался и забывал, где находится.

Чай, который Гунъи Ди подал ему, был тёплым.

— Ты интересуешься делами наследного принца?

Юнь Хуань покачал головой:

— Нет, просто вдруг подумал, что в последние годы все говорят о наследном принце, но редко упоминают императора. Кажется странным, что наследный принц так внезапно был устранён императором.

Столица и область Линь находились далеко друг от друга, и многие новости доходили с трудом, их правдивость было трудно проверить.

Иногда в столице уже происходила смена династии, а жители области Линь даже не знали, что сменился девиз правления.

Княжеская резиденция Линь отличалась от обычных домов, и новости доходили сюда быстрее, что позволяло легче заметить неладное.

Гунъи Ди предполагал, что другие могут что-то заметить.

Повторить все события прошлой жизни в точности было нелегко, ведь за эти пять лет многое изменилось.

Гунъи Ди думал, что другие в княжеской резиденции могут заметить некоторые странности.

Но даже если они заметят, это не имеет значения. В условиях абсолютной власти императора эти люди были для него лишь овцами, готовыми к забою.

Он не ожидал, что именно Юнь Хуань, всегда медлительный, первым заметит неладное.

— Если бы это был кто-то другой, он бы наверняка расставил своих людей на ключевых постах. Но наследный принц другой. Я провёл с ним некоторое время, он человек с чистой душой и не стал бы делать такого.

Юнь Хуань удивился:

— Наследный принц — человек с чистой душой? Все говорят, что он хитрый и расчётливый. Хотя, возможно, ты прав, ведь военные обычно не так коварны, как чиновники при дворе.

Гунъи Ди усмехнулся и небрежно поднял чашку с чаем.

Юнь Хуань внимательно посмотрел на него несколько секунд и вдруг сказал:

— Гунъи, я думаю, ты очень красивый.

Услышав это, Гунъи Ди чуть не поперхнулся.

Юнь Хуань был точно таким, каким он его помнил: простым, мягким, легко поддающимся на уговоры, временами говорящим странные вещи и быстро перескакивающим с одной темы на другую.

На самом деле Лянь Фэн никогда не обращал внимания на свою внешность.

Для него не имело значения, красив он или нет. Важным было только то, как его боялись чиновники.

Он не родился наследным принцем, этот титул он заслужил в подростковом возрасте, проливая кровь.

Но с самого детства Лянь Фэн знал, что только обладание властью даст ему всё.

В то время его мать ещё не была императрицей, и Лянь Фэн никогда не получал особой любви от неё.

Поскольку его мать была наложницей, а мать одного из его братьев — императорской женой, когда вазу в кабинете императора разбил его брат, два евнуха обвинили в этом Лянь Фэна.

Император решил, что он с ранних лет научился лгать.

Простояв на коленях под палящим солнцем два часа, Лянь Фэн вдруг осознал, что некоторые могут жить хорошо благодаря положению своих матерей, даже если совершают ошибки, их не наказывают.

Он не мог, он мог полагаться только на себя, потому что даже если он не совершал ошибок, его всё равно наказывали.

В то время Юнь Хуань ещё не родился. Лянь Фэну было, вероятно, пять лет, а может, четыре.

С самого начала Лянь Фэн стремился не к титулу наследного принца, а к положению императора, который мог судить и казнить.

Внешность не была для него важна.

Все эти годы никто не смел комментировать его внешность.

Людям достаточно было знать, что он наследный принц, а затем император.

Гунъи Ди усмехнулся:

— Что именно красиво?

Юнь Хуань задумался и серьёзно ответил:

— Брови, глаза красивые, нет, нос тоже красивый, и губы тоже. Твои черты лица слишком идеальны, трудно выделить что-то одно.

Такая глубокая и прекрасная внешность была бы вершиной красоты в любом мире.

— Теперь не хочешь обсуждать императора и наследного принца?

Юнь Хуань вздохнул:

— Обсуждать их бесполезно, они ведь не помогут мне отлупить моего отца.

Хотя бить родного отца неправильно... но такой отвратительный отец, как князь Линь, действительно заслуживает!

Юнь Хуань вздохнул и лёг на кровать:

— Погода постепенно становится теплее, и мне придётся выходить на улицу, чтобы заниматься верховой ездой и боевыми искусствами, иначе отец точно будет ругать меня.

Говоря это, Юнь Хуань прикрыл глаза рукой. Его лицо было настолько маленьким, что рука закрывала всё, кроме изящного подбородка, похожего на нефрит.

— Старший брат подарил мне красивую нефритовую подвеску, но Юнь Яо её отобрал.

Юнь Хуань, вспоминая неприятные события в покоях князя, вздохнул:

— Она была моей.

Конечно, он не мог не злиться.

Но многое он не мог обсудить с Дань Чжу, потому что тот видел в нём господина, а не собеседника.

С Гуньи Ди всё было иначе. Юнь Хуань чувствовал, что Гуньи относился к нему без страха, не как к господину.

Возможно, он считал его другом.

Юнь Хуань надеялся, что это не было лишь его иллюзией.

В комнате стоял тёплый аромат благовоний, вероятно, с добавлением полыни.

Юнь Хуань, прислонившись к подушке, невольно закрыл глаза.

Он закрыл их всего на мгновение, а затем снова открыл:

— Гуньи, как твои раны? Нужно ли ещё наносить мазь?

— Полностью зажили.

Лянь Фэн никогда не заботился о своих ранах, ведь за время военных походов он получил их слишком много, чтобы обращать внимание на каждую.

У него не было наложниц, и тем более официальной супруги, поэтому никто не видел его шрамов.

Каким Лянь Фэн был в глазах других?

— Вероятно, бездушным орудием убийства.

Его мать, императрица, дядя, враги, братья, император — все считали, что Лянь Фэн был холоднокровным от природы, прирождённым честолюбцем.

Холоднокровные люди, вероятно, и кровь у них холодная, и раны не болят. Поэтому, был он ранен или нет, никто не спрашивал.

Главное — чтобы он не умер.

Конечно, Лянь Фэн не мог умереть.

Такой жестокий и амбициозный человек, как он, должен был жить долго, чтобы утащить всех в ад.

Юнь Хуань не очень верил.

Даже используя свою самую ценную мазь, он всё равно беспокоился, что раны Гунъи Ди не зажили.

— Всего за несколько дней они действительно зажили? — Юнь Хуань не верил словам Гунъи Ди. — Покажи мне.

Гунъи Ди взял руку Юнь Хуаня.

Юнь Хуань никогда не сталкивался с домогательствами, и тем более никто в области Линь не осмеливался приставать к княжескому сыну.

Поэтому, когда Гунъи Ди слегка сжал его пальцы, Юнь Хуань подумал, что это нормально.

Что плохого в том, что друзья держат друг друга за руки? В конце концов, они оба мужчины, и когда Гунъи Ди приближался к нему, Юнь Хуань чувствовал себя комфортно.

— Они действительно зажили, я не лгу. — Низкий голос Гунъи Ди прозвучал у самого уха Юнь Хуаня. — Днём раздеваться неудобно. Если хочешь посмотреть, сделаем это вечером.

Юнь Хуань подумал.

Гунъи Ди был из знатной семьи, а у знати династии Ци было много правил.

Возможно, он действительно считал, что раздеваться днём неприлично.

Раз уж Гунъи Ди так сказал, значит, его раны почти зажили. Если вечером он попытается раздеть Гунъи Ди, тот, вероятно, посчитает его извращенцем и свяжет.

— Ладно. — Юнь Хуань сказал. — Если тебе больно, обязательно скажи мне, я найду врача, не терпи молча. И ещё...

Юнь Хуань немного смутился:

— Мои руки холодные, можешь ли ты продолжить их массировать?

Гунъи Ди вдруг тихо засмеялся.

Он знал, что для Юнь Хуаня он был чем-то притягательным.

Юнь Хуань был слаб здоровьем и легко притягивал к себе нечисть. Гуньи Ди, с его врождённой судьбой императора, естественно, делал Юнь Хуаня спокойным и комфортным рядом с собой.

К сожалению, Юнь Хуань так и не понял, в чём дело, и просто инстинктивно тянулся к Гуньи Ди.

Авторские заметки:

В комментариях случайно раздаются маленькие красные конверты.

Новость о том, что Юнь Яо приехал в княжескую резиденцию Линь, дошла до княгини, и всё, что произошло утром, было подробно передано ей.

<http://bllate.org/book/16217/1456300>